

Только-только выведя из Резервации, как негласно стали называть Землю Отчуждения, свой взвод и четверых летчиков с подбитых инопланетянами самолетов, старший лейтенант Троица вынужден вернуться обратно. Он лучше других изучил это место. Он уже знает, какие опасности поджидают там людей. Кроме того, перед старшим лейтенантом поставлена задача, решить которую он считает своим долгом, — найти и освободить из инопланетного плена солдат-пограничников. При этом старший лейтенант получает и другое важное задание — собрать научные материалы о тех, кто появился на Земле: какими они обладают технологиями и можно ли российским ученым использовать эти технологии. Но ситуация складывается так, что неведомые существа похищают сначала младшего сержанта из взвода Троицы, потом бойцов, добровольно отправившихся за своим командиром, а также офицеров отдельной мобильной группы, которых повел за собой Троица.

Сергей САМАРОВ_____

В итоге со старшим лейтенантом остается только командир отряда майор Медведь. Казалось бы, им уже не до научных поисков, важнее освободить своих подчиненных, да и выполнить задуманное вдвоем чрезвычайно сложно. Но они знают испытанный способ попасть в стан врага — вызвать огонь на себя...

ПРОЛОГ

Я успел выспаться, несмотря на то что свободно и расслабленно вытянуть ноги, как я привык, в багажнике броневедомобиля «Тигр» было сложно. Пришлось спать, свернувшись по собачьи клубком. Плохо, что нет хвоста, чтобы прикрыть нос, потому что в багажнике стояла канистра с соляркой и сильно воняла. Тем не менее я устроился вполне удобно. Благо, гибкость тела позволяла мне это. К четырехчасовой норме я уже давно привык. И потому проснулся за пару минут до того, как дверца багажника открылась, и грубый голос майора Медведя произнес:

— Вставай, Троица. Пора...

Машину я покинул с помощью несложного акробатического трюка, через голову и плечо вывалившись из дверцы так, чтобы перед командиром своей группы, выпрямившись, не просто встать на ноги, а сразу по стойке «смирно».

— Готов, товарищ майор! Отоспался на неделю вперед...

— Молодец, старлей. Иди в штабную машину. С тобой командующий поговорить хочет.

Штабная машина, как я догадался, это стоящий неподалеку второй броневедомитель с черными, полностью тонированными стеклами. Два броневедомителя вместе так и стояли здесь, когда мой взвод вышел из Резервации в Полосу Отчуждения. Тогда еще рядом стояло несколько «автозаков» для перевозки пленных бандитов, которых мы ранеными вынесли на самодельных носилках. Здесь же ждала машина «Скорой помощи», чтобы этим раненым оказать квалифицированную первую помощь.

К сожалению, я и мои бойцы хорошо обучены раны наносить, но плохо обучены их залечивать и вообще облегчать страдания раненым. Я сам, например, помню, когда получил касательное ранение осколком в бедро, сам себе швы наложил, прикрыл ватным тампоном, потом перемотал бинтом поверх штанины и посчитал, что этого достаточно для продолжения боя. Врач потом удивлялся, как я сам себе тогда бедренную артерию не порвал. Швы были наложены вплотную к артерии. Не зная достаточно анатомию, сунулся в хирургическую практику, как в реку, не зная брода. Что-то похожее мы могли бы натворить и сейчас, желая стать милосердными. И потому я милосердие взводу запретил.

И еще тогда, когда мы прибыли к этим двум бронемашинам «Тигр», в нашу сторону направ-

лялось два автобуса. Один, как я понял, для четверых летчиков, один для моего взвода — разделение неравномерное, но играла роль армейская субординация. И мои бойцы, и летчики, и бандиты вскоре должны были встретиться в Карантине. Но автобус с солдатами, как я видел, так до сих пор и не уехал. Возможно, водителю, как и мне, потребовался сон перед дорогой.

— А что, мой взвод отправлять не думают? — поинтересовался я у майора Медведя.

В ответ он пробормотал что-то невнятное. Как я понял, солдаты пожелали дожидаться моего пробуждения, не захотели оставлять меня здесь одного, хотели, чтобы я дал им конкретное приказание. Я так и не понял, они что, не пожелали слушать приказания командующего спецназом ГРУ, или полковник Мочиллов сам разрешил им на время моего сна задержаться?

Штабной броневедомитель внешне был новее второго, в котором я спал, не был забрызган грязью, торжественно блестел черным лаком и зеркальными стеклами, в которые я попробовал заглянуть. Но увидел только свое отвратительно седое и небритое отражение. Еще более седое, видимо, чем в действительности, из-за черноты тонировки стекла.

А внутри штабной «Тигр» показался мне более просторным, чем снаружи. Хотя внешне ничем, кроме номера и чистоты боков, от своего собрата не отличался. Внутри не оказалось заднего ряда

сидений. А достаточно большой багажник стал частью салона, в котором только на боковых стенах и дверцах были видны небольшие откидные сиденья, а посреди салона стоял стол с компьютером и радиотелефоном и лежали развернутые карты, над которыми склонился какой-то немолодой капитан с недобрый колючим взглядом.

Сам командующий сидел с торца стола на сиденье, вмонтированном в заднюю дверцу, откинувшись назад и прислонившись затылком к стеклу. Выглядел полковник усталым, словно только что вернулся из Резервации, куда ходил в составе моего взвода, бегал вместе с нами через хребты и три ночи подряд не спал. Глаза командующего были полузакрыты, дышал он ровно, как дышат спящие дети. Но не храпел. Храп для спецназовца — опасность выдать себя в засаде. И потому храпунов у нас не держат даже на штабных и командных должностях. Чтобы дурной пример не подавали.

Я посмотрел на капитана, ожидая, что тот хотя бы кивком головы попросит дать командующему вздремнуть и своим недобрый взглядом выставит меня из машины. Может быть, капитан так и поступил бы, если бы полковник Мочиллов не открыл глаза и не спросил меня ясным, совсем не сонным голосом:

— Выспался, Троица?

— ОТЧУЖДЕНИЕ: ТОЧКА КОНТАКТА

— Так точно, товарищ командующий. Выспался...

— И отлично. Я вот тоже, хотя не спал всего одну ночь, вздремнуть себе позволил. Возраст свое берет. Пора, видимо, на пенсию.

Я промолчал. Возраста командующего я не знал, хотя выглядел он вполне спортивно и подтянуто. А говорить подобающие случаю комплименты я не обучен.

— Заходи в машину, присаживайся...

Я вошел в салон, сел на откидное сиденье напротив капитана, держась прямо и всем своим видом показывая полное внимание. Командующий немного повеселел. И даже спросил с легкой усмешкой:

— Как ты умудрился настолько не угодить Академии наук, что они готовы тебя выдвинуть на Нобелевскую премию?

— Чем я им так не угодил, товарищ полковник? — удивился я, не собираясь, впрочем, от Нобелевской премии отказываться.

— А чем ты им минный ящик набил? Обещал только минимальные пробы, по чуть-чуть всякого-разного, а сам перестарался. Ящик едва выдержал, гвозди вырывать стало при транспортировке. И зачем-то засыпал *этим* все другие пробы. Ученые едва-едва смогли выковырять их...

— Ничего подобного, товарищ полковник. Могу даже перечислить, что я в ящик уложил...

Это, в первую очередь, два куска металла, как я подозреваю, внешней обшивки противостоящих друг другу космолетов. Я подумал, что металл разный, и потому представил для анализа оба куска. Куски были упакованы в пластиковые пакеты. Правда, пакеты для мусора, но других у нас не было... Мы их обычно по назначению используем, когда упаковки от сухого пайка закупаем. Потом положил туда же две стандартные солдатские фляги с пробами воды из ручьев, как просили — из разных. Один ближе к падению космолета, другой с удаленного места, но над которым они пролетали. И в стеклянной баночке, отдельно от всего, скребок со следа, оставляемого «гуляющим дымом»...

Командующий остановил мои воспоминания, показывая малый интерес к этим предметам, взял со стола трубку смартфона и набрал номер, видимо, тот, по которому недавно разговаривал.

— Сам объяснишь сейчас профессору. Встречу я обеспечить не сумел, поскольку ты дал согласие на участие в новой операции и свободного времени, следовательно, не имеешь. Профессор просил хотя бы обеспечить ему возможность поговорить с тобой по телефону. Хочет что-то выяснить. Важное для науки...

На звонок ответили. Командующий поднял смартфон к уху.

— Виталий Витальевич, полковник Мочиллов беспокоит. Вот передо мной сейчас сидит стар-

ший лейтенант Троица. Он готов ответить на ваши вопросы и выслушать ваши просьбы. Только постарайтесь надолго его не занимать. Старшего лейтенанта уже дожидается целый зоопарк, чтобы отправиться в Резервацию, как они это место называют. Да-да... Именно — зоопарк... Майор Медведь, капитан Волков, старший лейтенант Лисин. А в дополнение к этому еще и старший лейтенант Троица, вероятно, с частью солдат своего взвода.

Фразу относительно «зоопарка» я почти расшифровал. Это, видимо, состав группы, с которой я должен пойти в Резервацию. А вот при чем здесь солдаты моего взвода, я еще не понял и посмотрел на командующего быстрым вопросительным взглядом. При этом вспомнил и неясные недавние объяснения майора Медведя по тому же поводу.

Но полковник вместо ответа просто протянул мне трубку, чтобы я поговорил с профессором.

Я взял трубку и негромко представился:

— Старший лейтенант Троица. Владимир Александрович меня зовут. Слушаю вас внимательно.

Такое представление — по имени-отчеству — возможно было, конечно, только при разговоре с гражданским лицом, поскольку оно категорично не уставное. Но я так и понял, что говорю с человеком гражданским. Однако мой собеседник, обладатель густого баса, каким часто говорят

внешне совсем не крупные люди, представился совсем для меня неожиданно:

— Генерал-лейтенант Вильмонт, Виталий Витальевич.

Так высоко я еще не взлетал, чтобы моей персоной генерал-лейтенанты интересовались. Даже генерал-майоры ни разу ко мне со своими вопросами не обращались. Случалось, другие старшие офицеры передавали мне их распоряжения, и это только говорило о том, что некий генерал-майор знает о моем существовании и заинтересован в результатах моей деятельности. А тут — генерал-лейтенант! Было впору возгордиться. На секунду даже дыхание сперло. В этот момент мне потребовалось все присутствие духа офицера спецназа ГРУ, чтобы удержать себя в руках. А Виталий Витальевич тем временем продолжал:

— Владимир Александрович, расскажите мне, что вы положили в контейнер для отправки к нам. Что и в каком количестве, в какой упаковке?

Он требовал подробностей. Я снова все перечислил. Память мне пока еще не изменяла, несмотря на седые волосы. Но генерал-лейтенанта, как мне показалось, волновали конкретные подробности:

— Эта баночка, куда вы положили скребок со следа «гуляющего дыма», была закрытая?

— Конечно, там металлическая крышка завинчивалась.

— А сама баночка была чистая? Внутри ничего не было?

— Внешне — да. Эта баночка принадлежала солдату моего взвода. Он носил в ней сахар. Сладостена такой от природы. Любит добавлять сахар против нормы. Солдат сахар переложил в карман, сахарные крошки из банки вытряхнул, стекло протер изнутри сухой тряпочкой. Кажется, бинтом. Когда я собрал скребок следа, а собирал я его ножом, потому что след сжигал перчатку, — я проверил. В баночке след был только на самом дне. Стекло не плавилось, держало его нормально. В рюкзаке я баночку переносил в стоячем положении, иначе она в кармашек не помещалась. Значит, крышки содержимое не касалось. Крышка у меня вызывала опасение — она из тонкого металла. Металлический нож не пострадал, но крышка было намного тоньше, к тому же — это не легированная сталь, а какой-то, скорее всего, алюминиевый сплав. До Полосы Отчуждения я донес все нормально. Но в ящике, когда я пробы туда уложил, закрепить баночку было нечем, и потому я проложил ее другими пробами, просто прижал лапами елей и мешочками с землей. А что случилось, товарищ генерал?

Я так и не понимал, для чего генерал ведет такой подробный допрос. Если бы понимал, возможно, смог бы что-то толковое сказать.

— Баночка при транспортировке раскололась. Возможно, не раскололась, а была раздавлена.